

УИЛЬЯМ
БЕРРОУЗ

МЯГКАЯ **18+**
МАШИНА

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Уильям Берроуз

Мягкая машина

«Издательство АСТ»

1961

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Берроуз У. С.

Мягкая машина / У. С. Берроуз — «Издательство АСТ»,
1961 — (Чак Паланик и его бойцовский клуб)

ISBN 978-5-17-110622-5

Второй роман великого Уильяма Берроуза – писателя, изменившего лицо альтернативной литературы XX века. Потрясающее и странное произведение, в котором сюрреалистический талант, впервые заговоривший в полный голос в «Голом завтраке», достиг принципиально новых высот. Нет ничего святого. Нет ничего запретного. В мире, где нищета соседствует с роскошью, где власть и могущество – более мощные наркотики, чем алкоголь, секс и героин, возможно все. Уильям Берроуз, творец миров и реальностей, продолжает путешествие по аду, который мы сотворили сами – и назвали раем... Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-110622-5

© Берроуз У. С., 1961
© Издательство АСТ, 1961

Содержание

1. Скончался по дороге	6
2. Кто я такой, чтобы осуждать?	9
3. Общественный агент	15
4. Трак трак трак	18
5. Преждевременный ответ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Уильям Берроуз

Мягкая машина

William S. Burroughs
THE SOFT MACHINE

© William S. Burroughs, 1961, 1966, 1968

© Перевод. В. Коган, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

1. Скончался по дороге

Дыру я разрабатывал вместе с Матросом, и дела наши шли неплохо – в среднем пятнадцать монет за ночь, прикарманивали дни, дурили рассвет, страна свободы сынов нам была нипочем, вот только вен у меня почти не осталось... Я подошел к стойке за очередной чашкой кофе... пью кофе в «Закусочной Джо», под чашкой салфетка – говорят, верный признак того, что некто подолгу просиживает в кафетериях и закусовых... в ожидании Человека... «А что тут поделаешь? – сказал мне как-то своим безжизненным джанковым шепотом Ник. – Они знают, что мы будем ждать...» Да, они знают, что мы будем ждать...

У стойки сидит паренек с худым лицом, глаза – сплошные зрачки... Сразу ясно, что он давно и плотно подсел, да и страдальческую гримасу эту я уже видел – может, на тотализаторе, где я выруливал одно время чаёк, в серых пластах подземок, ночных кафетериях, арендованном жилище из плоти. В глазах его вспыхнул вопрос. Я кивнул в сторону моей кабинки. Он взял свой кофе и уселся напротив.

Коновал живет неподалеку от Лонг-Айленда... чуткий наркоманский сон, проснуться – и замереть, испугаться, вскочить... все четко и ясно, телевизионные антенны впитывают небо... Часы убежали вперед, а после четырех пополудни так же помчится время.

– Человек опаздывает на три часа... Капуста есть?

– Три монеты.

– Нужно хотя бы пять. У него там вроде бы двойная доза. – Я взглянул на него... лицо миловидное... – Слушай, малыш, я знаю одного покладастого старого коновала, он выпишет тебе как миленький... Вот тебе телефон. Мой голос он просечет на раз.

Немного погодя мне попался один портной-итальянец, ушлый барыга, знакомец по Лексингтону, а у него можно вырулить приличный дозняк героина... По крайней мере поначалу он был приличный, но с каждым разом – все больший недовес... мы и зовем его Тони Недовес...

Оставшись без джанка на болезненном рассвете Восточного Сент-Луиса, он бросился к умывальнику и прижался животом к прохладному фаянсу. Со смехом я небрежно оперся о его тело. Его трупы растворились в прямокишечной слизи и карболовом мыле... летние рассветные запахи с пустыря.

– Я подожду здесь... Меня он просечет на раз...

В тот день пять палок под душем, мыльные пузыри яичной плоти, сейсмические толчки, прерываемые изломами спермовых струй...

Я вышел на улицу, все четко и ясно, как после дождя. В кабинке вижу Сида, он читает газету, лицо – желтая слонобая кость в солнечных лучах. Под столом протянул ему две пятерки. Приторговывает помаленьку, привычка есть Привычка: *вторжение. разрушение. оккупация.* юные лица в синем спиртовом пламени.

– И пользуюсь спиртом. А вы, ебучие нетерпеливые и жадные джанки, только и знаете, что коптить мои ложки. Мне же за одно это влепят Неопределенный срок – легавым только закопченная ложка и нужна. – Извечный наркотский трёп. Слабеют джанковые пути.

– Прорвись на свободу, малыш.

Провесь линию гусиной кожи вверх по худой юной руке. Вставь иглу и сдави пузырек, глядя, как все его тело оказывается во власти джанка. Втекай туда вместе с этим дерьмом и впитывай джанк из каждой юной клетки.

Сидит паренек, тело – как у тебя. Сразу ясно, давно и плотно. Я небрежно опираюсь о него на тотализаторе, небрежно оперся о его кафетерий, и его трупы растворились в пластах подземок... и жилищах из плоти... в сторону кабинки... напротив... Человек – портной-итальянец... я знаю капусту. «Мне – приличный дозняк героина».

– Ты собрался слезать? Ну что ж, будем надеяться, тебе это удастся, малыш. Пускай меня паралич разобьет, если я этого не хочу... Я ведь друг тебе, настоящий друг, а если...

Ну а движение все интенсивнее, вваливаются магазинные воришки, ребята с выдраным с мясом из автомобиля приемником, волочащие за собой лампы и провода, вваливаются, сверкая кольцами и наручными часами, специалисты по карманам пьянчуг, страдающие на ломках круглые сутки. Швейцар-то был у меня уже вырублен – старый алкаш, – но в такой толпе я долго оставаться не мог.

– Слушай, малыш, ты прекрасно выглядишь. Так сделай себе одолжение, держись. В последнее время мне попадалось просто бесподобное дерьмо. Помнишь ту бурую дрянь, сперва вроде как желтоватую, наподобие нюхательного табака, а в готовом виде – коричневую и прозрачную...

Джанки в восточной ванной комнате... невидимое и неотступное тело сновидений... гримасу эту я уже видел – может... вырубивал одно время или тело... в серых запахах прямокишечной слизи... ночных кафетериях и рассветных запахах наркотского жилища. Три часа по Лексингтону и пять палок... мыльная яичная плоть...

– У него там вроде бы двойная доза отнятия.

– А я-то думал, ты собрался слезать...

– Мне это не удастся.

– Impossible quitar eso¹.

Встал и раскумарился в болезненно-рассветных флейтах Рамадана.

– Уильям, *tu tomas mas medicina?*.. No me hagás cáso², Уильям.

Дом в туземном квартале, ставлю палку в запахе пыли; вдоль стен сложены в четырехфутовые штабеля пустые коробки из-под юкодола... смерть на запасных одеялах... девица орет... Врываются *vesinos*³...

– От чего она умерла?

– Не знаю, умерла и все.

В Мехико Билл Гейнз сидит в комнате со своей резиновой спринцовкой, а его заначка кодеиновых таблеток смолота и лежит в жестянке из-под соды.

«Скажу, что страдаю несварением желудка». Всюду пролиты кофе и кровь, в розовом одеяле прожженные сигаретами дыры... Консул не предоставит мне никакой информации, только место захоронения на Американском кладбище.

– Сломался? Где твоя гордость? Иди к вашему консулу. – Он подарил мне будильник, и тот еще год после его смерти ходил.

Лейф репатрирован датчанами. Зафрахтованное судно по пути из Касы в Копенгаген затонуло неподалеку от Англии, и с ним вся команда. Помните, как я действую посредством далеких пальцев?..

– От чего она умерла?

– Конец.

– Выясняется, что я делаю кое-какие вещи.

Под конец Матрос скурвился. Повешен своими главарями на двери подвала: «Если выясняется, что я делаю кое-какие вещи, я закрываю лавочку, только и всего».

Хлебный нож в сердце... вытирает и умирает... репатрирован рецептом на морфий... из тех, что из Касы в Копенгаген на специальной желтой нотной бумаге...

– Вся команда сломалась? Где твоя гордость? – Будильник еще год ходил. – Он сидит себе на краю тротуара и умирает: – Эсперанса наябедничала мне на Ниньо Пердида, и мы

---

¹ Это невозможно устранить (*исп.*). – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

² Примешь еще лекарства?.. Не мое дело (*исп.*).

³ Соседи (*исп.*).

отоварили рецепт на морфий... из тех мексиканских наркотических рецептов на специальной желтой банкнотной бумаге... точно билет в тысячу долларов... или увольнение из армии с лишением чинов и права на пенсию... и раскумарились в комнатенке, куда можно подняться по приставной лестнице.

Зов вчерашнего дня, флейты Рамадана: «No me hagas caso».

Пролита кровь на рубахи и свет. Американец волочит за собой форму... Он уехал в Мадрид. Этот ревнивый гомик-кубинец застает Кики с novia⁴ и вонзает кухонный нож ему в сердце. (Девушка орет. Входят соседи.)

– Quédase con su medicina⁵, Уильям.

Полбутылки «Фундадора» после полулечения в Еврейском госпитале. уколы демерола при свечах. Отключили свет и воду. в бумажной пыли мы поставили палку. голые стены. Ищи где хочешь. Бесплезно. No bueno⁶.

Он уехал в Мадрид... Будильник еще весь вчерашний день ходил... «No me hagas caso»... скончался по дороге... можно сказать, в Еврейском госпитале... пролита кровь на американца... волочащего за собой свет и воду... Матрос так скурвился где-то в серой плоти... Он сидит себе на нуле... Я кивнул на Ниньо Пердидо, его кофе опаздывает на три часа... Они все уехали и прислали бумаги... Мертвец выпишет тебе как миленький... Входят vecinos... Зафрахтованные запахи прямокишечной слизи пошли ко дну неподалеку от Англии, и с ними все рассветные запахи далеких пальцев... Немного погодя я пошел к вашему консулу. Он подарил мне мексиканца после его смерти... Пять раз в пыли мы поставили палку... с мыльными пузырями отнятия, перечеркнутыми тысячью наркоманских ночей... А вскоре полукарты вошли при свечах... *Оккупация*... Слабеют джанковые связи... Держись... Билл Гейне сидит в Желтой Лихорадке... разглядывая непристойные картинки ненадежные как потолочный вентилятор мы дурили рассвет и поставили палку в пошлом запахе прямокишечной слизи и карболового мыла... гримасу эту я уже видел – может, на пустыре... волочащем за собой лампы и провода... «Вы ебучие нетерпеливые и жадные джанки!»... захоронение на Американском кладбище. «Quédase con su medicina»... девушка орет на Ниньо Пердидо... Они все уехали через дом в туземном квартале... «Получше ты мне ничего не мог написать? Уехал... Можешь искать где угодно».

Бесплезно. No bueno.

---

⁴ Подружка (исп.).

⁵ Оставайся со своим лекарством (исп.).

⁶ Бесплезно (исп.).

2. Кто я такой, чтобы осуждать?

Вы не поверите, насколько накалена была обстановка, когда я покинул Штаты... Я знал, что уж этот барыга никакого дерьма при себе держать не будет, он попросту свалит его на конвейер... разольет эту мочу по бутылкам и пустит своим клиентам по обслуживаемому им маршруту десять-двадцать гран сверх того, что поглощает сам, а если легавые их застукают, они за просто выдают себя за дегенератов... Короче, Док Бенвей оценил ситуацию и выдал такую оригинальную идею:

– Однажды в верховьях Бабуиновой Задницы меня ужалил скорпион... ощущение не так уж отличается от раскумарки... Хммм.

Вот он и импортирует некую особую породу скорпионов, откармливает их металлической мукой, скорпионы приобретают фосфоресцирующую голубую окраску и принимаются жутко вонять, а он говорит: «Теперь надо подобрать достойный сосуд»... Вот мы и выкуриваем из берлоги одного старого нембутальшика, сажаем на него скорпиона, а он вроде как синее и прямо на глазах раскумаривается до состояния металла... Эти скорпионы научились перемещаться по радарному лучу и обслуживать клиентов только после того, как Док получал капусту... Пока так и продолжалось, все было на высшем уровне, никакого стрёма... Однако все эти скорпионовые джанки в темноте стали светиться, а не получи они вовремя своей раскумарки – и вовсе превращались в скорпионов... Тут уж запахло жареным, и пришлось смастываться под видом молодых джанки, собравшихся в Лексингтон... Называться мы решили Биллом и Джонни, но имена эти то и дело менялись местами, к примеру, в один день я просыпался Биллом, а в другой – Джонни... Короче, попадаем мы в купе поезда, на ломках нас бьет колотун, в глазах слезы и жжение, и тут как заноеет у меня в промежности от сексуальной голодухи, наклоняюсь я, опираюсь руками о стену и гляжу на Джонни, а от слабости не могу и слова вякнуть, да это и ни к чему, у него ведь те же дела, он молча окунает мыло в теплую воду, спускает мои трусы, намыливает мне задницу, штопором сует в меня член, и мы с ним тут же стоя кончаем, раскачиваясь вместе с поездом под перестук вагонных колес, а струи – струи в медную плевательницу... До Лексингтона мы так и не добрались... Сошли в городке под названием Маршал, наболтали там с три короба одному старому деревенскому коновалу про престарелую мамашу, которая страдает геморроем в самой тяжелой форме, и настойку он выписал как миленький... В тот вечер мы заглянули в бильярдную, Док выиграл дюссенбергскую шляпу-панаму, мазь для загара и щегольские темные очки образца 1920 года, и чем южнее мы оказывались, тем проще было выкручивать наркоту, точно мы прицепом тащили за собой двадцатые годы... А в тот мексиканский пограничный городишко мы попали как раз вовремя и увидели кое-что интересное... Чтобы расчистить место для нового моста, который потом так и не построили, на берегу реки снесли целый квартал лачуг, где железнодорожники-китайцы курили раньше свою черную дрянь, а обитавшие под лачугами крысы на много поколений вперед превратились в наркоманов... Так вот, эти крысы носились на ломках по улице, пищали от боли и кусали каждого встречного-поперечного...

Потом мы отправились на поиски своей машины, так ее и не нашли, нигде ни одной машины, только поезд один остался от старого вестерна... Где-то к северу от Монтеррея колея кончилась, и мы за жестянку грязи выменяли у китайца несколько лошадей... К этому времени то и дело стали появляться солдаты, стрелявшие в мирное население, вот нам и пришлось раздобыть пару комплектов формы времен гражданской войны и присоединиться к одной из воюющих сторон... Мы взяли в плен пятерых солдат, которые носили форму другого цвета, а генерал напился и решил ради развлечения пленных повесить, под сук дерева мы подогнали телегу и наскоро соорудили под ней опускающуюся подставку... Первый упал быстро и чисто, а один из солдат вытер рот, с ухмылкой шагнул вперед, спустил штаны к лодыжкам, и член его

толчками поднялся и пустил струю... Мы все стояли, смотрели и целиком были этим поглощены, да и оставшиеся, те, которых еще предстояло повесить, тоже все это переживали... В ту ночь мы реквизировали у одного фермера дом, все напились, и Джонни принялся танцевать – обмотав вокруг шеи галстук, уронив голову набок и высунув язык, он вихлял задницей, а когда спустил штаны, член его толчками поднялся, и солдаты покатались со смеху и хохотали, пока не обоссались с ног до головы... Потом они наскоро соорудили у него под мышками упряжь, приподняли его, подвесили к балке и хором выебали...

Когда мы добрались до Монтеррея, кругом уже были испанцы в доспехах, точно в историческом фильме, и снова нам посчастливилось прибыть как раз вовремя. На главной площади толпился народ, методом «часа пик» мы пробились в первый ряд и увидели, что там собираются сжечь на костре какого-то типа... Когда под ногами у него разожгли хворост, только и слышно было, что потрескивание огня, потом все вместе принялись вдыхать запах горелого мяса, душа моя разрывалась от пронзительных криков, губы мои и язык распухли от крови, и я кончил в штаны... Я видел, что и другие выпустили свои заряды, вонь пошла, как от навозной кучи, кое-кто из нас стоял так близко к костру, что от штанов шел пар, все мы набирали полные легкие криков и дыма и еще слегка подвывали... Все это было весьма аппетитно, уж поверьте мне на слово. Короче, мы попали в Мехико перед самым восходом солнца, и я сказал: «Опять мы здесь...» Сердце мое забило в солнечных лучах, и член принялся пульсировать в том же ритме, и сперма просочилась сквозь тонкие хлопчатобумажные брюки и пролилась на уличные пыль и дерьмо... А ближайший мальчишка ухмыльнулся, подставил задницу, воровато сунул мне руку в карман и пощупал мой член, который был еще жестким на ощупь и побаливал, как после влажного сна... Мы вскарабкались на грязный уступ над каналом и там сотворили три палки – неторопливая ебля на коленях, в зловонии нечистот, с видом на глубокую воду... Как выяснилось впоследствии, у малыша была эпилепсия... Когда у него начинался припадок, он валился наземь и раз пять кончал в свое тряпье, зрелище это приятно щекотало нервы... Ему и вправду все это было свойственно, и он сказал мне, что может уговорить одного колдуна поменять нас местами... Вот мы и пустились в путь пешком через горы и вниз по противоположному склону к высоким густым зарослям, теплым и окутанным паром, а у него то и дело начинались припадки, и одно удовольствие было ебать его – во время приступа его жопа дрожала, как вибратор... Короче, заявили мы в эту деревеньку и в маленькой хижине на окраине нашли колдуна... гнусного старикашку с буравящим взглядом елейных глаз... Мы поведали ему о своем желании, он кивнул, оглядел нас обоих и, улыбнувшись, сказал, что ему надо приготовить снадобье, и велел нам прийти на закате следующего дня... Мы и пришли, и он дал нам горькое снадобье в глиняных горшках... И не успел я поставить горшок, как передо мной начали возникать картины, четкие и ясные: возле ирригационного канала повешенный мальчик подтягивает колени к подбородку и выбрасывает в воздух струи, солдаты раскачивают меня на упряжи, сожженный человек пронзительно кричит, как живой, а сердце бьется себе и выбрасывает струи крови в лучах восходящего солнца... В это время Шолотль объяснял мне, что при обмене остается только одно тело, меня надо повесить, а когда я выпущу заряд и умру, то перейду в его тело... Как бы то ни было, я был парализован снадобьем, они меня раздели и отхлестали особой сексуальной крапивой, которая жгла и жалила все тело, язык мой распух и превратился в кляп, кровь застилала глаза... Они наскоро соорудили виселицу с помостом из расщепленного бамбука и приставной лестницей. Подталкиваемый Шолотлем, я поднялся по лестнице и встал под петлей, и он, бормоча заклинания, затянул ее у меня на шее, а потом спустился на пол, оставив меня на помосте наедине с поджидающей петлей... Я видел, как он вытянул вверх руку с обсидиановым ножом и, придерживая помост, перерезал веревку, я упал, и в глазах моих вспыхнул серебристый свет, точно сработала фотовспышка... До меня донесся запах озона и грошовых пассажиров, а потом я почувствовал, как внизу, в пальцах ног, возникают выкручивающие кости спазмы, они опустошили меня, все расплескалось, сзади по бедрам

потекло дерьмо, бьющееся в судорогах парализованное тело не слушалось, сперма попросту увлекла меня за собой прямиком в член Шолотля, в мгновение ока я оказался в его заднице и яйцах и начал с трудом ковылять, заливая струями пол, а тот гнусный старый разьебай уже что-то мурлыкал и мерзко меня облапывал... Однако кто я такой, чтобы осуждать?... Там, в хижине колдуна, я проспал три дня, а когда проснулся, увидел все по-другому... Колдун дал мне какое-то снадобье против припадков, и я отправился дальше на юг... На закате подошел к прозрачной реке, где купались голые мальчики... И один из них, с сухостоем, обернулся с усмешкой и принялся пихать палец в кулак, а я свалился в очередном припадке, вот они все и решили попытать на мне счастья... С гор упали холодные тени и коснулись моей голой задницы, я пошел вместе с мальчиком в его хижину, поел бобов с красным перцем и лег рядом с ним на пол, вдыхая перечный запах его отрыжки, – так я и остался у него и начал обрабатывать его кукурузную делянку на склоне горы... У мальчика того сухостой мог держаться всю ночь, и, когда он ебал меня, я запихивал себе в жопу перцы и все нутро мое было словно в огне... Я мог бы и до сих пор там торчать, работать от зари до зари, а после работы, не в силах ни говорить, ни думать, сидеть себе, глядя на синие горы, есть, рыгать, ебаться и спать, и так день за днем – не жизнь, а малина... Но однажды мы раздобыли бутылку мескаля и напились в дымину, а он посмотрел на меня и говорит:

– Chingoa de puto⁷, я тебя с лица земли сотру именем Jesus Christu!..

И бросается на меня с мачете... Но, предвидя такой поворот, я выплеснул ему в глаза чарку мескаля и отошел в сторону, он рухнул на пол, а я вонзил ему прямо в основание черепа сажальный кол... И дело с концом... И снова я пустился на юг и пришел наконец в ту местность, где видимо-невидимо жителей сажали кукурузу колами, все трудились сообща, мне это зрелище было не по душе, но я едва дышал с голодухи и решил войти с ними в контакт, что оказалось ошибкой... Потому что, едва выйдя на поле, я почувствовал на себе непосильный груз и – вот те на! – уже сажал вместе с ними кукурузу, и все, что я делал, все, о чем думал, было давно проделано и продумано, а там проходил тот цикл празднеств, во время которого жрецы наряжаются омарами и танцуют, щелкая клешнями, как кастаньетами, а кругом – сплошной маис, маис, маис... Сдается мне, я до сих пор гнул бы спину на маисовой плантации – о боже! – не попадись мне один малый, тоже, как и я, в наряде майя, но я-то видел, что и он чужеземец... Парень оказался весьма смышленным, к тому же привлекательным... Он набросал на полу формулы и показал мне, как жрецы проворачивают свою аферу с контролем: «Такое творится и с празднествами, и с этой ебучей кукурузой, – им известно, что будет видеть, слышать, нюхать и ощущать на вкус каждый человек, а это и есть мысль, такие мыслительные единицы изображены у них в книгах специальными знаками, и они непрерывно чередуют эти знаки в календаре». А когда я взглянул на его формулы, в башке у меня что-то начало ломаться и я освободился от контрольного луча, но в мгновение ока нас обоих схватили и приговорили к «Смерти в Многоножке»... В подвале храма нас привязали ремнями к кушеткам, там было полно древних костей и стояла невыносимая вонь, а в углу поводила носом многоножка футов десять длиной... Тут я пустил в ход то, что унаследовал еще на Уране, где мой дед изобрел счетную машину... Я попросту лежал, ни о чем не думая, в многотонном фокусе густой синей немоты, сквозь меня прокатилась медленная волна, она вышла за пределы моего тела, кушетка начала сотрясаться, сотрясения охватили и землю, крыша рухнула, придавила многоножку и в щепки разнесла кушетку, отчего ослабили ремни, я выскользнул из них и развязал Смышленного Тилли... Мы выбрались оттуда, лавируя в нагромождении стел и известняковых голов, от храма остались лишь глыбы камня, ураганный ветер принес с собой приливную волну, а когда мрак рассеялся, от всех этих декораций уже мало чего оставалось... Повсюду носились в поисках жрецов уже свободные работники... Верховного жреца разбил паралич, и он пре-

⁷ Педераст (исп.).

вратился в многоножку... Мы обнаружили его в укромном местечке под обломками, с ним были и другие – кто оказался полукрабом, а кто проходил разнообразные стадии жуткой метаморфозы... А я рассудил так: «С этими типами надо сотворить нечто особенное – они ведь большие умники...» Вот мы и устроили «Потешное празднество»: сделали несколько обсидиановых суспензориюв, нанизали их на медную проволоку, накалили суспензории добела и натянули их на жрецов, и те пустились исполнять танец живота – ни дать ни взять забегаловка со стриптизом, а мы сидели и орал: «Снимайте их, снимайте!» – и хохотали, пока не обоссались, не обоссались и не обкончались... Такого смеха вы отродясь не слыхивали – ведь кончилась их власть, и мы принялись пихать им в жопу раскаленные медные хуи... А другим мы взваливали на спину груз и волокли их по деревянным желобам, утыканным осколками кремня, ну и так далее... А что – потеха хоть куда!

Короче, после этого никто из нас на кукурузу смотреть не мог, и впереди вновь замаячила угроза голода... Пришлось заняться рэкето и порастрасти немного земледельцев, пообещав им защиту... «Это ведь может и повториться... Выкладывайте, что вам говорят, не то хуже будет»... Они и выкладывали, сплошь и рядом... Да-да, провизию... А я разработал хитроумный трюк, чтобы держать своих ребят в узде... Припадкам я все еще был подвержен, однако научился управлять образами... То есть перед тем, как вырубиться, я мог ввести любой образ в проектор и... Внимание... Камера... Снято... Все неизменно происходило именно так, как я снимал, и таким путем устранялся любой персонаж, от которого исходили помехи... Однако началось целое нашествие ребят с севера, вот и пришлось нам закрывать лавочку и резвиться на охоте да на рыбалке... Принимая все это во внимание, я отобрал тридцать самых надежных и преданных парней, и мы двинулись на юг через горы и вниз по противоположному склону – в джунгли, потом снова вверх и вновь через горы, сплошное однообразие... тоску мы разгоняли в меру сил: плоточек того, кусочек другого... Мне нет-нет да и приходилось для разнообразия пускать в ход землетрясения, однако вскоре сплошь и рядом на нас свалились, что называется, враги наемника... лихорадка там, змеи и речные пороги, и ребята принялись то и дело откалываться и селиться с местными жителями, и когда я попал в положение и вправду безвыходное, шайки моей уже как не бывало... Чиму – это нечто особенное... Попадаем мы, короче, в один городишко, и он мне сразу не по душе...

– Что-то здесь не то, Джон... Что-то нечисто... Чует мое сердце.

Начать с того, что средний чиму, мягко выражаясь, непривлекателен... губы изъедены лиловыми и оранжевыми кожными хворьями и похожи на задницу бабуина, а на месте носа – дыра, из которой сочится гной, противно смотреть... к тому же некоторые из них целиком состоят из пенисной плоти и временами прямо из башки пускают струи спермы, а потом сморщиваются, точно старый винный бурдюк... Чиму регулярно устраивают потешные празднества, во время которых они делятся на противоборствующие стороны и дубинками вышибают друг другу мозги, к тому же победители хором ебут побежденных, после чего тут же отрезают им яйца и делают из них кисеты для листьев коки, листья эти они жуют постоянно, и изо рта у них течет зеленая слюна – ни дать ни взять больные афтозом коровы... Принимая все это во внимание, я вовсе не рвался к близкому знакомству с их непотребным образом жизни...

В центре городка стояло сооружение из глинобитных каморок высотой в несколько этажей, и мне было видно, как внутри шевелятся какие-то жуткие крабы, но поближе я подойти не мог, потому что на окружавшем каморку участке, усеянном черными костями, было жарко, как в доменной печи... Они обладали оружием нагрева, понятно?... Представьте, что вас облепили раскаленные добела муравьи...

Тем временем ко мне подошли зеленые мальчики, владельцы целого квартала публичных домов, выстроенных на подвесных лесах над глинобитными домами и предназначенных исключительно для казни через повешение и всевозможной смерти в оргазме – особенно годится маленьким мальчикам... Они оказались славными тварями, день и ночь с меня не слезали и

воняли, как навозная куча... Однако я ничему не верил, не убедившись собственными глазами, и когда я предложил посмотреть на повешение, все они принялись негодовать, точно оскорбленные шлюхи... Поэтому я вооружился перископом дальнего видения с обсидиановыми зеркалами, причем Смышленный Тилли дрожал над прибором в своей обычной манере, и мы стали наблюдать, как они вешают того мальчика, что приехал из провинции... И тут я увидел, что, когда у него хрустнула шея и он выпустил заряд, не перелив его в зеленого мальчика, как того требует природа, из его позвоночника вылупились те самые раскаленные крабы и сожрали всю компанию.

Вот мы и объединяем живущие в джунглях племена, штурмом берем Городок Мальчиков, а зеленых мальчиков запираем в общей спальне, где все они принимаются ходить колесом, хихикать, мастурбировать и играть на флейтах... Так мы сделали первый шаг к тому, чтобы отрезать путь подвоза... Потом, когда мы устроили полную блокаду и стало слышно, как они там, в каморке, скребутся, уже вконец обессиленные, мы решили атаковать... У меня был специальный зеленый мальчик, мой тогдашний партнер, который, что называется, знал все входы и выходы, так вот, он сказал мне, что волну нагрева придется останавливать с помощью музыки... Вот мы и собрали всех индейцев и зеленых мальчиков с барабанами, флейтами и листовой медью, подошли вплотную к источнику теплового излучения и начали бить в барабаны и медленно наступать... Смышленный Тилли наскоро соорудил катапульту для метания известняковых глыб и разнес каморку, мы ворвались туда с копьями и дубинками, всех прикончили и уничтожили теплопередающее устройство, оказавшееся живым радиопередатчиком с деталями из органов насекомых... Мы выпустили зеленых мальчиков на свободу и в радостном настроении продолжили путь...

Направились мы в глубь джунглей – порезвиться с головной усушкой... Делается это так: берутся специальные заклинания – ясно? – человек под вашим контролем заточается в собственную голову, и происходит как бы усушка всей ненависти в округе... Трюк хоть куда, однако я, как водится, пожадничал, и в результате не осталось ни одной головы, на которую я мог бы положиться... Разумеется, была обработана вся округа, вот только округи никакой не осталось... Вечно находится тип, который хватит через край и угробит все дело... Короче, сидеть бы мне там сиднем, не дойди до меня слухи о непорочном племени под названием камуйяс, – они заключают в объятия каждого незнакомца и все время ходят голые, как того требует природа, вот я и сказал: «Камуйяс – настоящие живые люди», – и направился туда мимо всех этих бюрократов из Индейской внутренней службы, сомневавшихся в благородстве моих намерений... Однако я поставил их в тупик своими познаниями в майяской археологии и тайном смысле лейтмотива многоножки, а Яже был крупный специалист, вот мы и обеспечили себе репутацию ученых и беспрепятственный доступ к чему угодно... Камуйяс – это нечто особенное, все голые, трутся о тебя, как собаки, я мог бы и до сих пор там торчать, если бы не мелкие трения с Индейской комиссией по поводу той церемонии повешения, которую я устроил, рассчитывая с небольшой доплатой заменить старую ходовую часть и обновить свою субстанцию... Короче, они вышвырнули меня оттуда и провели полезную беседу о том, что дело с концом и точка... А я перебрался в воинственное племя аука и ухитрился заполучить в качестве секретного оружия двух здоровых юношей... Затащил этих мальчишек в джунгли, все им откровенно выложил, и один из них пошел мне навстречу и...

Избавлю вас от нудных подробностей... Достаточно сказать, что верховья Амазонки заполучили мальчика легкого поведения, а меня затянуло в водоворот всей этой наследственной вражды... Укокошит человек, к примеру, вашего троюродного кузена, и вы уже обязаны разделаться с его прадядюшкой... Я-то через все это уже прошел... На каждого типа, что вы там укокошите, по законам геометрической прогрессии найдутся десять, которые примутся охотиться на вас, а мне это все ни к чему... Вот я и поступил на работу в Тотальную нефтяную компанию, и это была еще одна ошибка...

Крысы носились все утро... Где-то к северу от Монтеррея занялись торговлей кокаином... к тому времени тормозили «Кадилак»... люди... гражданское население... Вот нам и пришлось принять пару деловых предложений и разбогатеть на воюющих сторонах... сомнительным ли путем, законным ли – один и тот же разьебай, только другого цвета, а генерал пронюхал о деньгах... Мы соорудили их идиотский сук дерева и бросили чужеземную кукурузу... мелкий промысел в «Уолгринзе»... Вот мы и объединяем эти 8267 – выкладывали сплошь и рядом, обезьяны... мелодичный трюк, чтобы держать ребят в узде... Я научился управлять Законом 334, вызывающим оргазм с помощью любого образа: Мэри отсасывает у него и бежит по кромке поля... Таким путем устранялись помехи... как говорится, торговый автомат – и мальчики опускаются до «Уолгринза»... Мы не местные. Мы обнюхиваем побежденных, отрезаем им яйца и жуем все виды мастурбации и самопоругания – ни дать ни взять больные афтозом коровы... Молодые джанки возражают белому читателю, и в один день я просыпался Биллом, покрытый льдом и с жжением в промежности... спускает мои трусы и, что-то тараторя, штопором кончает в меня... Мы с ним тут же стоя кончаем и пытаемся хоть слово вякнуть... Смотрю – надвигаются другие простак с мамашинной настойкой... Меня облепили собаки Гарри Дж. Аншлингера... К тому времени мы уже имели словесную пыль, шевелящую двадцатые годы, лабиринт непристойных картинок и дом на много поколений наркоманов... Мы все ебали молодого грабителя и целиком были этим поглощены... Испанский член толчками поднялся и пустил струю старых каталогов Монтгомери... Вот мы и раздели молодого датчанина и наскоро повысили курс американского доллара... со спущенными к лодыжкам штанами, босоногий индеец стоял, смотрел и щупал своего друга... И другие выпустили свои заряды через сломанный стул, сквозь груды инструментов... струи спермы на пыльном полу... взошло солнце, и я сказал: «Опять мы здесь с ножом...» Мой член принялся пульсировать в том же ритме, и брюки упали в пыль и засохшие листья... Возражает белому читателю в злобонии нечистот, с видом на развевающуюся расстегнутую рубашу, и раз пять кончает, а жопа дрожит, как... Мы обнюхиваем свое желание и выбрасываем в воздух струи, и развевается расстегнутая рубаша... В глазах моих – то, чем был когда-то я, точно сработала фотовспышка, в ванной комнате – пролитая юношеская сперма... В мгновение ока я стал Денни Дивером в наряде майя... Той ночью мы реквизирировали юного перуанца... Я проникал в его тело... Что за жуткое место... высшая стадия... а он чужеземец... Они чередуют эти знаки на машине «Ай-Би-Эм» с помощью кокаина... А что – потеха хоть куда!

3. Общественный агент

Короче, я – общественный агент, и знать не знаю, на кого работаю, инструкции беру из уличной рекламы, газетных статей и обрывков разговора – хватаю зубами в воздухе, как стервятники вырывают внутренности из чьего-нибудь рта. Как бы там ни было, упущенного мне ни за что не наверстать, а ныне мне поручено перехватить порнофильмы Джеймса Дина, прежде чем эту дрянь присвоят гомики, имеющие стойкую привычку к Джеймсу Дину, и пока ваш агент тенью пробирается по парикмахерским и уборным подземки, рыщет в кинотеатрах и турецких банях, привычка эта будет запрещена законом и считаться наркотической.

Первого в тот день я накрыл в туалете подземки.

– Ах ты, педик ебучий! – вскричал я. – Я тебя отучу кусаться, скотина!

Я вышиб из него дух стальным кастетом, и физиономия его сплющилась, точно гнилая дыня. Потом я врезал ему по легким, и фонтаны крови из его рта, носа и глаз брызнули через весь сортир на трех пассажиров в габардиновых пальто, наброшенных на серые фланелевые костюмы. Созревший фрукт валялся, запрудив башкой желоб, бледно-розовый от его крови, по лицу его струилась моча. Я подмигнул пассажирам.

– За версту чую этих ебучих гомиков. – Я предостерегающе шмыгнул носом. – А если и есть что-нибудь более гнусное, чем педик, так это косяк треклятой травки. А вы, дорогуши, с него пример не берите – закройте глазки и прикусите языки вместе с яйцами, понятно?

Они принялись приводить себя в порядок, точно три обезьяны: Ничего Плохого Не Вижу, Ничего Плохого Не Слышу, Ни О Чем Плохом Не Скажу.

– Вы, ребята, из нашенских, как я погляжу, – благодушно произнес я и вышел в коридор, где школьники гоняются друг за другом с мачете, а эхо в мозаичных гротах вторит радостным мальчишеским крикам и самодельным пистолетам. Я протиснулся в турецкие бани, в парилке застал врасплох педераста, угрожающе размахивавшего уродливой эрекцией, и, недолго думая, придушил его намыленным полотенцем. Мне необходимо было отметить. Я был уже истощен, и остатков сил в моей слабеющей плоти едва хватило на то, чтобы прикончить этого занюханного педерасташку. Я влез в одежду, дрожа и позевывая, и направился в вокзальную аптеку. Без пяти двенадцать. Пять минут на то, чтобы вырулить дозу. Я подошел к ночному дежурному и засветил ему кусок жестянки.

По лицу его струилась моча. Не знаю, на кого работаю. Свое беру из его крови и газетных обрывков.

– За версту чую этих, как стервятники, ебущихся в воздухе.

Как бы там не было треклятой травки. Я вышиб из него дух стальным сортиром и придушил, точно гнилую дыню. Потом мне необходимо было отметить. Я был уже фонтаном крови из его рта, носа и слабеющей плоти, чтобы прикончить. Через весь сортир влез в одежду, дрожа в серых фланелевых костюмах, наброшенных на вокзальную аптеку. Итак, я – общественный агент и желоб, бледно-розовый от уличной рекламы. Я подмигнул пассажирам.

– Разговоры хватаю зубами за версту. – Я предостерегающе шмыгнул носом. – Это косяк, мне ни за что не наверстать.

Гомики, имеющие порядок, точно три обезьяны.

– Рыщет в кинотеатрах и турецких нашенских, – благодушно произнес я и вышел считаться наркотиками. Школьники гоняются друг за другом с первым в тот день, в турецких банях, в парилке застал врасплох тебя, треклятый педик. Намыленным полотенцем кастетом врезал ему по легким, и глаза брызнули: Хлоп! И направился в габардиновые пальто, пять минут на этого созревшего фрукта.

– Министерство финансов, – сказал я. – Хочу проверить наличие наркотиков и рецептов... Как много употребляете, юноша? – Качаю головой и запикиваю себе в портфель все

джанковые пузырьки и рецепты. – Противно смотреть, как молодой человек рвет собственный рецепт на жизнь... Возможно, я смогу что-то для вас сделать. Разумеется, если вы пообещаете мне пройти курс лечения и держаться.

– Обещаю все что угодно. У меня жена и дети.

– Просто не подведите меня, только и всего.

Я вышел и напрямик попал на открытую веранду автовокзального китайского рестораника. Это тихое заведение с очень скверной кухней, но наркоту и сортир сгодится.

Потом зарегистрировался в старой гостинице «Полумесяц» – в вестибюль можно попасть через подземку – и ошибся номером, народ нюхает эфир, а я вошел с зажженной сигаретой, и у всех полопались легкие – человек шесть парней и телок. Короче, в глазах у меня рябит от сисек, тощих ребер и гортанных хрящей... дело житейское... Надо воспользоваться моментом. Вырулить дозу. Я засветил ему кусок габардина. созревший фрукт. по лицу его струилась моча.

– Хочу проверить наличие наркотов. Своих беру из его крови.

– Много употребляете, юноша?

– За версту чую этих ебущих все джанковые пузырьки и рецепты.

Как бы там не было треклятой травки... Смотрел, как молодой человек рвет, собственно, и придушил его, точно гниль, что-то для вас сделать в фонтаны. крови нет пройти курс лечения и держаться, чтобы прикончить. серые фланелевые костюмы всех общественных агентов из уличного автобуса. рыщет в кинотеатре и благодушно ошибся номером, считаться с зажженными легкими. глаза брызнули на ночного дежуранта и засветили кусок пальто.

– Пять минут на министерство финансов, – сказал я. Качаю головой и запикиваю себе в портфель воздух, как стервятник. Противно вышибать из него дух стальным сортирным рецептом на жизнь. Возможно, я смогу дыню. Потом мне необходимо проверить вас. Пообещайте мне пройти из его рта, носа, слабеющей плоти.

– Обещаю все, что угодно. Хожу, дрожа в наброшенной одежде. – Я вышел и напрямик беру бледно-розовые инструкции вокзальных китайских пассажиров. Врезал ему по легкому делу житейскому. Пользуясь моментом, немного о моей работе. Министерство внутренних дел потребовало приостановить Распространение Людей. Технические погрешности, сами понимаете. Кому-то надо поднимать архив, и этим занимаюсь я. Нас интересуют не отдельные образцы, а форма, людская пресс-форма. Ее необходимо уничтожить. У нас в Свободине живых людей не встретишь. Слишком много патрулей. Кругом тоска зеленая, если только вы не получаете удовольствие от охоты на сброшенных в выгребную яму парализованных лебедей. Разумеется, всегда найдутся Чужаки. Особенно мне по нраву молоденькие. Я зову их долговязыми свиньями. Не отказываю себе в удовольствии и делаю это не торопясь, с наслаждением впитывая в себя страх и ненависть объекта, а когда они раскалываются, из них сочится белая масса, сладкая, как клешня омара... Жаль только выкалывать глаза, ведь это мой источник в пустыне. Они зовут меня Мясником, и еще по-всякому.

Дела я проворачивал с Египтянином. Мое Время отработывалось. Он сидел, потягивая густой зеленый напиток, в мозаичном кафе с каменными полками вдоль стен и сосудами, наполненными разноцветными сиропами.

– Мне нужно надоить Время, – сказал я.

Он взглянул на меня, глаза его пожирали эрогенные зоны. Его лицо испытало эрекцию и стало лиловым, и мы вышли на пустырь позади кафе, совершенно голые.

Белые люди убивали на расстоянии. Вы ведь не знаете ответа?

Каждое лицо отмечено поддатской печатью «Трака»: «Смерть, вступай в свои права».

– Ни в жисть никто так не бредил танцульками, как Ред.

– Потанцуем, – сказал он.

Рецепт на дерьмо: «Вот то, что вы просили, сэр», – и я увидел, что он заряжен под завязку. С кромки поля вновь в Москву на Ликвидацию. Дела я проворачивал с Жуликом. Печать

«Трака» в каждой почке, рецепт на Густой Напиток. Глаза его испытали эрекцию и стали миазмами, превратившись в наркоманов с пустыря. Мое время отрабатывало свои последние черные песчинки.

4. Трак трак трак

Мы с Матросом обобрали Республику Панаму от болот Дарьена до изобилующих форелью рек Давида, оставив ее без опийной настойки и чумовых колес... (Примечание: нембу-тал...) Узкоглазого аптекаря не проведешь – только время потеряешь... «Моя нет... Плиходи пятница...» (Сноска: старые наркоты вспомнят... В двадцатые годы было полно барыг-китайцев, но Запад они нашли весьма ненадежным, непорядочным и испорченным, и стоит теперь западному джанки прийти за товаром, как они говорят: «Моя нет... Плиходи пятница».)

А мы уже испытывали нехватку Подставных Покупателей... Они исчезают в серебристых зеркалах 1910 года под потолочным вентилятором... А может, одного мы потеряли на рассвете, в порыве зловонного морского ветра... В нечистотах залива безрассудно плавают ядовитые красные морские змейки. Москитные сетки издают сладкий камфарный запах разогреваемой опийной настойки... Термитный пол прогибается у нас под ногами, рыхлый и гнилой... рас-светный альбатрос на ржавой железной крыше...

– Пора идти, Билл, – сказал Матрос, блики утреннего света в холодном кофе.

– Я ослаб... – крест света, рассеянного деревянной решеткой над патио, серебристые пробоины в его лице... По воровской молодости мы вместе разрабатывали Дыру... (Подстрочное примечание: «разрабатывать Дыру» – грабить пьяных в подземке...) А в Восточном Сент-Луисе отказались от одной привычки... На третью ночь поставили четыре палки, пальцы скребли кость... на рассвете ежились от плоти и одежды...

Руки, пустые от голода, на выдохшемся утреннем столе... ветры ломок на его лице... боль долгого антракта, сжигающая пленку плоти... погасшие глаза, старое желтеющее фото... буро-фиолетовая память о Панама-Сити... Я улетел в Ла-Пас, прихватив с собой бесцветный запах его ломок, разреженный воздух – точно смерть в моей глотке... пронизывающие ветры черной пыли и серая фетровая шляпа на каждой голове... лилово-розовые и оранжевые лица болезни режут внутриутробную плоть, гениталии под потрескавшимися кровоточащими ногами... ноющие легкие в пыли на болевом ветру... горные озера, голубые и холодные, как жидкий воздух... индейцы срут вдоль глинобитных стен... смуглая плоть, красные одеяла...

– No, señor. Necesita receta⁸.

И то и дело натыкаешься на немецкого коновала-беженца:

– Это принимать орально... Конечно, вы будете колотиться... Запомните: лучше месяц потерпеть и бросить... С таким привыканием вы лишитесь жизни, разве нет? – И от его доброго пристального взгляда меня бросает в дрожь.

А Хозелито переехал в мою комнату, давящую на меня футбольными результатами... Он носил мою одежду, и мы вдвоем потягивали одну повia, которая была тощей и хилой, постоянно занималась колдовством со свечами и образами Богородицы, пила душистое снадобье из красной пластмассовой глазной ванночки и никогда не трогала мой пенис во время полового акта.

Сквозь таможенный досмотр и контрольные посты, через горы в синей вспышке почетного эскорта, а на теплом ветру перебежали дорогу три обезьяноподобные твари... (лай собак и звук струящейся воды) одолевали повороты над туманной пустотой... до самых отдаленных городишек на границе яговой страны, где робкие индейцы-полицейские проверили наши бумаги... мимо разбитых стел и керамических осколков, обработанных камней, презервативов и обосранных комиксов, мимо шлаковых куч фосфоресцирующих металлических экскрементов... лица изъедены ничтожной лилово-розовой болезнью Нового Света... из глинобитных каморок выползают мальчики-крабы с человеческими ногами и гениталиями... Законченные

---

⁸ Нет, сеньор. Необходим рецепт (исп.).

наркоты кашляют на холодном горном ветру и выплевывают кристаллики гортанного хряща... В ржавых ваннах спят заляпанные дерьмом бродяги-небутальщики... дельта сточных вод до самого неба в терминальном стазе, пронзенный острой больной дельфин, который всплыл на поверхность в пузырьках каменноугольного газа... вкус металла оставил у нас на губах серебристые нарывы... единственная пища в этой деревеньке, построенной на железных сваях над радужной лагуной... болотная дельта до самого неба, освещенная оранжевыми газовыми вспышками.

В фотовспышке оргазма я увидел три серебристые цифры... Мы вышли на улицу и выиграли в футбольном тотализаторе... Панама прилипла к нашим телам. Станный свет в его глазах, он увидел все по-другому (Этот резкий запах мертвечины.)

– Возьми ее в пробитом тупике... Доктор не смог достать и увидеть? Эти картины и есть линия... Слабеющее дыхание в постели отметило звуковую дорожку... Тебе досталась пригоршня праха, вот что.

Метаморфоза редакторского отдела, кашляющего и харкающего в разреженном воздухе... отвислые гениталии мертвечины... Наша истощенная графиня оставила уродливое кожаное тело... Мы испарились и стали здесь ничем... пыльный воздух спортивных залов в другой стране, и к тому же стар уже бассейн – несколько дюймов на мертвых почтовых открытках... здесь и в то же время там его глаза... Серебристым светом часы пробили девять.

«Мертвая почтовая открытка, у тебя она есть?.. Возьми ее в полдень – мусор, как пепел... Поторопись, видишь?.. Эти картины и *есть* ты... Это обратная запись звуковой дорожки... Вот что идет рядом с тобой в тупик телесных всадников... («Пойдете со мной, ми-истер?»)... Я знал мексиканца, которого он носил в своей плоти вместе с половыми актами, трескаясь теми таблетками, что я принимал... Полная боевая готовность, она – твоя открытка... Смотри, как просто: все взрывается, человек стремится в чужую плоть... страной правит двойственность... парный секс, унылый, как увлажненные земли».

Последний человек с таким взрывом гортани неумолимо ползет от того, что он носил в своей плоти... Последний турникет был в другой стране, и к тому же нож взорвал Сэмми Мясника... дыры в кино двадцатых годов... желтеет газетная лента, послеобеденный сон отгоняет углекислый газ... Признаков достаточно, чтобы отметить вам, какие сделать вызовы, наркотический бред неумолимо ползет к конечной цели в чужой плоти... Чего ждешь, малыш?.. неугомонного человеческого товара?.. здесь ничего нет... Метаморфоза завершена... кольца Сатурна на заре... Небо взорвало вопрос с пустырей... молодость – не старость, да и без того желтеют губы... Там, на нашей последней киногорной улице, мальчишка взорвал «слово», сидит молча – немота в ответ.

«Пойдемте со мной, ми-истер, приветствовать мусорщика и рассвет? ископаемые остатки спокойствия возле черного хода навеки, ми-истер»... – мертвые почтовые открытки, сметенные пишущими машинками, отстукивавшими намеки, когда мы отдавали распоряжения... Прошу, поторопись... неумолимо ползет к своей конечной цели... Я... Мы... Они... молча сидят на последней террасе сада... Неоновое солнце меркнет в этом резком запахе мертвечины... (кружащий альбатрос... голый полдень... мусор, как пепел)... Призрак Панама прилип к нашим гортаням, кашляющим и харкающим в разреженном воздухе, – протиснувшись в интервал между словами, мы медленно пробирались к черным лагунам, увитым цветами платформам и гондолам... ненадежный хрустальный город, играющий всеми цветами радуги на рассветном ветру... (Подростки извергают семя над приливными равнинами)... Мертвая почтовая открытка, ты думаешь о ней?.. что думаешь?.. голый полдень и мусор, как пепел... Прошу, поторопись... Будь порасторопней... Кто он, третий, что идет рядом с тобой в тупик черных лагун и фиолетового света? последний человек...

– Пойдемте со мной, ми-истер?

Вверх по широкой приливной реке к портовому городу, утопающему в водяных гиацинтах и банановых плотках... Город представляет собой замысловатое сооружение из расщепленного бамбука, местами шестиэтажное, нависающее над улицей и подпираемое бревнами, участками железнодорожной колеи и бетонными столбами, аркада – от теплого дождя, который льет с получасовыми интервалами... Жители прибрежной полосы дрейфуют в теплой, насыщенной парами ночи, едят разноцветное мороженое в свете дуговых ламп и переговариваются неторопливыми кататоническими жестами, прерываемыми неподвижной тишиной... Сквозь Ночь Бродячих Игроков в Мяч доносятся печальные мальчишеские крики:

- Пако!.. Хозелито!.. Энрике!..
- А ver⁹, «Лаки-и-и»!
- Куда вы, ми-истер?
- Выжатые насухо головы?

Заляпанный грязью рот над смокингом выпускает в ночь кольца дыма: «КУРИТЕ СИГАРЕТЫ «ТРАК». ОНИ ВАС ЛЮБЯТ. «ТРАК» ЛЮБИТ КАЖДОГО ИЗ ВАС. КАЖДЫЙ «ТРАК» ВАС ЛЮБИТ. КУРИТЕ «ТРАК». ОНИ НАДЕЖНЫ. ТРАК ТРАК ТРАК».

Пиная мяч, los Vagos Jugadores de Pelota¹⁰ вприпрыжку несутся по затхлым торговым улочкам... Национальные гвардейцы благоразумно отворачиваются, расстегивают ширинки и принимаются за поиски мандавошек на пустыре... Ведь Бродячие Игроки в Мяч могут бросить клич «Наших бьют!» – и появятся миллионы подростков, которые примутся крушить таможенные барьеры и границы времени, с тарзановыми криками выскакивать из джунглей, сажать на землю грозные жестяные самолеты и ракеты, спрыгивать с грузовиков и банановых плотов и пой дут в атаку сквозь черную пыль горного ветра, подобного смерти в глотке.

Туземцы, спасаясь от гвардейцев в бродячей ночи, едят разноцветное мороженое... Клич «Наших бьют!» – и появляется неторопливый кататонический жест...

Печальный мальчишка Бродячих Игроков в Мяч: «Самолеты и ракеты?»

- А ver, «Лаки-и-и»?
- Милую девчущку, ми-истер?
- Скрипящие камни горного ветра?
- Затхлый торговый жаргон?

Бродячие игроки пинают июньскую подземку... дрейфуют сквозь ночь, сажают на землю грозных зверей...

- Кики!
- Пако!
- Хозелито!

Цветные комиксы на голубом ветру... затхлые улочки чиновника, медленно тянущиеся во рту... Туземцы, возьмите это в Город Вырезок... Оранжевый свет отмечал часовые интервалы на пустыре... Кататонический известняк освобождает район... Эта война будет выиграна при переключении цветов... Реклама «Трака» шевелится, как ночной зверь, и вспыхивает синим пламенем.

«КУРИТЕ СИГАРЕТЫ ТРАК. ОНИ ВАС ЛЮБЯТ, ТРАК ЛЮБИТ КАЖДОГО ИЗ ВАС. КАЖДЫЙ ТРАК ВАС ЛЮБИТ. КУРИТЕ ТРАК. ОНИ ПРИНОСЯТ НАСЛАЖДЕНИЕ. ОНИ НАДЕЖНЫ. ТРАК ТРАК ТРАК»

– Vagos Jugadores de Pelota, sola esperanza del mundo¹¹, возьмите это в Город Вырезок... Уличные банды, рожденные на Уране под угрозой условий нова, отрезают линии времени... Возьмите это в Город Вырезок. muchachos¹²... «остались минуты»...

---

⁹ Посмотрим (исп.).

¹⁰ Бродячие Игроки в Мяч (исп.).

¹¹ Единственная надежда на свете (исп.).

Джунгли вторгаются в заросшие сорняками парки, где броненосцы, зараженные разъедающей землей болезнью, резвятся в заброшенных беседках, а Боливар в кататоническом известняке освобождает район... В дамбы и плавательные бассейны проникают кандиру... На солнце мерцают альбиносы... Усевшись рядом под аркадами, мальчики читают цветные комиксы и мастурбируют под мелодию мамбо... шевеля ногами... Карл идет сквозь... аркады, Карл идет сквозь нависающие затхлые улочки Железнодорожного Короля... вкус железа во рту от июньских подземок...

Города деревянных решеток и балконов, облупившаяся серебристая краска под слоем серых металлических осадков, подобных остывшему расплавленному припою на улицах, и жилища терминального города, где на флуоресцирующих металлических протезах ковыляют по улицам замедленного времени ворчливые калеки, поедающие в свете оранжевых газовых вспышек бурю металлическую муку из ржавых корыт... зловоние прогнивших рек и глинобитных домов... болотистая дельта до самого неба, которое не меняется никогда... острова мусора, где зеленые мальчики с чувствительными лиловыми жабрами ухаживают за химическими садами... терминальная почтовая открытка, усыхающая в тяжелом времени, ворчливые наркоманы, пристрастившиеся к наркотику оргазма, бескостные в солнечном свете, заживо пожираемые людьми-крабами... терминальная почтовая открытка, усыхающая в тяжелом времени. «Предметная Полиция хранит все Доклады Правления... Не забывайте этого, сеньор...»

Когда он вернулся из Министерства по делам туризма, они делали в его комнате обыск... пальцы, легкие и холодные, как весенний ветерок, шелестели его бумагами и документами... Один засветил жетон, похожий на рыбий бок в темной воде...

– Полиция, Джонни.

Наверняка «туристы»... «Туристы» водворяются в любое правительственное учреждение и принимаются издавать директивы и плести паутину межведомственных докладных... У одних имеются связи в вышестоящих инстанциях, благодаря чему операция не будет запрещена законом и считаться наркотической... Другие обстрепывают мелкие делишки, сидя в чуланах и темных комнатах Управления уличных грабежей... Они выскакивают оттуда, надышавшись аммиаком, и принимаются отдавать безумные распоряжения и реквизируют все попавшиеся на глаза предметы... Недоразвитые комитеты возникают, как песчаные бури... Ветер унес весь скандал с протухшим маслом в районы произрастания...

Брэдли читал объявление, прибитое к жилищу из расщепленного бамбука... Объявление было напечатано на листе белой бумаги размером с книжную страницу

Отрезать Линии Устройств для Секса и Сновидений//
Отрезать Линии Траковой Службы//
Облапывание не освежает//
Плиходи пятница, ми-истер Излишек Масла//
Работаешь за американский доллар?//
Тракай свои собственные устройства//

Легкий удар по плечу под бесшумными крыльями малярии:

– Documentes, señor. Pasaporte¹³.

Его паспорт манил их, точно сахар, золотые зубы злобно поблескивали недоверием:

– Pasaporte no bueno! No en ordenes!¹⁴

Те легавые, что не сумели пробиться к паспорту, принялись распевать в унисон:

---

¹² Девушки (исп.).

¹³ Документы, сеньор. Паспорт (исп.).

¹⁴ Не в порядке! (исп.).

– Comisaría!¹⁵ Comisaría! Comisaría! Ми-истера a la Comisaría!.. Pasaporte muy malo¹⁶. Не годится. No bueno. Видны типичные признаки.

На Команданте была заляпанная маслом зеленая форма, при движении испускавшая утужный дым... Вокруг пояса, оставляя за собой голубые искры, двигался по металлической направляющей маленький автоматический пистолет... Перед ним то и дело вырастали с донесениями и документами потасканные агенты.

– Si, читать публичные объявления permiso¹⁷. Но это... – он закрыл ладонью белое объявление на стене из расщепленного бамбука... – особый случай.

Вперед протиснулся человек в зеленом козырьке от солнца:

– Да. Это у них зовется «предъявлением доказательств»... Все они содержатся в деле, весь скандал с протухшим маслом Траковых Устройств для Секса и Сновидений в Районах Произрастания.

Он показал на ряд шкафов и ящиков для хранения документов... По полицейскому участку поплыл запах заплесневелых суспензориов и хлорки. Слабой смуглой рукой Комманданте прогнал газетчика:

– У этого сплошь политика... Лучше быть просто толковым специалистом.

Шведский мошенник прячется в Рио-Бамба под холодным сувениром с Чимборацци, джанковую крышу забрали за неуплату, синдикаты всех стран нащупывают его далекими пальцами убийства – усовершенствовали это искусство во времена династии Тан в подсобке китайской прачечной. Шведу оставалось только одно: концессия серых фетровых шляп для «Районов Произрастания», скрывающаяся за подставными фирмами и вымышленными именами. С помощью волшебного фонаря 1910 года он спроецировал на экран индейцев в серых фетровых шляпах и разбил изображение на миллион фрагментов, отразившихся в черных глазах и голубом горном льду, в глубокой воде и моче, в ламповом стекле, темных бюрократских очках, орудийных стволах, магазинных витринах и ресторанных зеркалах... Он направил фрагментарное изображение в глаза усохшей головы, которая умерла в муках, глядя на серую фетровую шляпу. А голова излучала: «Шляпа... Шляпа... Шляпа... Шляпа... Шляпа...»

– Какая-то дефективная башка, – сказал он.

Когда возникли шляпные строки, прервать их мог только оргазм... Вот он и захватил жену миссионера и ослепил ее порнографическими слайдами... И он приучил ее голову излучать антисекс... Другие антисексуальные головы он поместил в порок копрофилии и электрическое омерзение... Он ослабил яркость устройств для секса и сновидений во всей стране. И его в свинцовом цилиндре отправили обратно в Швецию, чтобы основать там Траковую Службу и Министерство Трака.

Трак проделал долгий путь из волшебного фонаря в китайской прачечной. Головы были переданы в дар Готенбергскому музею, где их относительно безобидные эманации вызвали массовую сексуальную оргию.

Vagos jugadores, sola esperanza del mundo, возьмите это в Город Вырезок, вид на красные каменные здания и медные пагоды, рестораны на открытом воздухе, сады с прудами и каналы – серебряные караси длиной в три фута и гигантские розовые саламандры... Черная обсидиановая пирамида Министерства Траковых Дел.

– Идеальная продукция, господа, имеет определенное молекулярное сходство с ее постоянным покупателем. Кое-кто настаивает на производстве и продаже изделий, которые подвержены износу. И это не метод конкурентной борьбы. Наша продукция никогда не покидает клиента. Мы обеспечиваем ее обслуживание, а все Траковые изделия испытывают определенную

---

¹⁵ Комиссариат (исп.).

¹⁶ Очень плохой (исп.).

¹⁷ Да... разрешено (исп.).

необходимость в Траковом обслуживании... Обслуживание со стороны конкурента действовало бы как антибиотики, и наши услуги благородного Тракового происхождения обзавелись бы неаппетитным дубликатом... Это не просто очередной наркотик, ведущий к привыканию, этот ведущий к привыканию наркотик берет на себя все функции наркомана, в том числе и выполняемые его абсолютно ненужным в данных... э-э... обстоятельствах громоздким скелетом, приводя его в итоге в состояние беспомощной личинки. После чего ему можно сообщить, что самой той жизнью, которой живет, он обязан услугам «Трака»...

Траковая Резервация якобы включает в себя почти все внутренние и приграничные районы Соединенных Республик Свободии, а поскольку всем происходящим в Траковой Резервации занимается Траковая Полиция и никто не знает, где Резервация, а где – нет, дела, как гражданские, так и уголовные, изымаются из гражданских судов с единственным словом «Трак» под неведомыми резолюциями... Отчетные заседания Тракового персонала синхронизированы с другими мероприятиями относительно области низкого давления... Бенвей представлял отчет, якобы и в самом деле включавший в себя почти что отчетные заседания Траковой персоны... Иногда Резервация – это другие люди и мероприятия подтипа Траковой гвардии...

– Окрестности Мехико... Кругом столько гвардейцев, что невозможно ничего добиться... Вы хоть в состоянии обучить меня языку? Входите, пожалуйста, вместе с изображениями...

– Траковая полиция нас опознала... Уносим ноги, Джо... Вот и вся история... область низкого давления... Смертный приговор, вынесенный окружным судьей.

5. Преждевременный ответ

Трупы висят с расстегнутыми штанами на дороге в Монтеррей... отчетливо и ярко впереди – голые почтовые открытки и детские башмачки... Человек возвращается к тому, что оставил в нижнем белье, сбросившем мальчишеское тепло в 1929 году... Бедра похлопали по кровати, подпрыгнули кверху жопой... «Джонни дрючится»... Чашка разбита... слабость... Термодинамика ползет домой... игра в пустые руки... постельные картины задают мертвый вопрос... резко пахнет мертвечиной, открывается...

– Ми-истер, вас достает медузообразность... Этого ждете?

Улицы идиотского наслаждения... обсидиановые дворцы рыбьего города, пузыри медленно выжимают белье на пол, ископаемые остатки оргазма...

– Вам достается нечто вроде медузы, ми-истер.

Его глаза, спокойные и печальные, как котят, учуяли выгоду:

– А я ему и говорю: расторгаю, мол, контракт... Вешаюсь в ваших грязных фильмах в последний раз... Три тысячи лет в шоу-бизнесе и до сих пор не выношу подобных номеров вроде этого...

Уличные мальчишки из зелени с идиотскими жестокими улыбками и полупрозрачной янтарной плотью, душистые жасминовые испражнения, лобковые волосы, которые колют иглами наслаждения... удовлетворяют ничтожные желания позвоночника... чередуют терминальную плоть, когда раскалывается яйцо.

– Это гиблое место, ми-истер... Место последней ебли для Джонни.

Улыбка идиотских предсмертных судорог... Его янтарная плоть покрывается пленкой неторопливого растительного гниения... неизменно появляется, когда раскалывается яйцо, из сломанных позвоночниках струится белый сок... из его рта пахнуло угольным газом и душистыми фиалками... Мальчишка спустил свои порыжевшие черные брюки... нежный мускусный запах грязного белья... одежда, жесткая от масла, на красном кафельном полу... голый и строптивый, его уличномальчишеские чувства метались по комнате в поисках остатков выгоды.

– Пойдете со мной, ми-истер? Последний раз перепихнуться.

Странный цвет в его глазах, увидел все по-другому, лицо прозрачное, со всеми сточными канавами смерти... Сухостой разносят пряные запахи по всему сортиру... грязное белье под потолочным вентилятором... призрачное вожеление комнат с закрытыми ставнями... он забыл на моей кровати рубаху...

– Джимми Шеффилдз все еще так же хорош, как прежде.

– Он обслуживал клиентов надувательством, ми-истер... Вот доктор Бенвей и учуял выгоду... Эта особая порода плюет на контракт: Передатчик раскалывается яйцом... Крысиные позвоночники обрастают грибной плотью... Мальчишка опустил в твоей комнате в поисках остатков... Имел тряпку на теле из растения... Опустил свои брюки и член.

– Кто вы?.. Моя лодка...

– Запахи по всему сортиру... Навозная куча... Ми-истер.

Священные Сточные Канавы Смерти... мальчишка опустил под болотным кипарисом и завалился спать в грязном белье... (пустился в путь пешком через безлюдные поля... маленькая хижина на окраине... Писатель оглядел нас обоих – хорош, как прежде). Начали возникать идиотские картины...

«Вам достается нечто желеобразное с коленями, подтянутыми к подбородку... унылый маленький ирригационный канал... Попугай на плече бережит душу... Парализованный, кривляюсь в ваших фильмах в последний раз... Из меня ниже пояса... До сих пор не выношу подобного вида уличных мальчишек из зелени... Так вышло, что мальчишка сумел управиться

со своим газом и душистыми фиалками... Эта местность приносит выгоду смуглым рукам, которые трудятся сообща во имя перехода на увлажненные земли... Циклотрон обсирает этих типов... Сплошь и рядом пахнут в любом образе... сильные дурные запахи от чужого... Джимми Шеффилдз вновь так же хорош... Дыхание уличного мальчишки расторгает контракт... желеобразных номеров вроде этого... Когда раскалывается яйцо, наши позвоночники обслуживают особых клиентов ископаемого оргазма».

Керосиновая лампа заливала светом красно-белую полосатую футболку и смуглое тело... Опустил свои брюки... лобковые волосы колют заношенное нижнее белье, вентиляторные запахи юноши сухостоят ароматы стирки... слепополуденный ветер там, где колышется тент...

«Приходишь в возбуждение от номеров вроде этого?.. Покажу тебе кое-что интересное: большая плоть обслуживает неистовую последнюю еблю для Джонни... постель покрыта пленкой, сами понимаете, глаза лезут из орбит... голые сладости по всей комнате, остатки юношеского образа, горячая сперма в Панаме... Потом мальчишка бросает свой бабский наряд и удаляется в раздевалку... *Кто* увидел все по-другому? Кто *вы*, когда их глаза лезут из орбит?.. Мандрагоровые запахи по всему сортиру... Мальчишка опустил, и мальчишка просыпается парализованный... Помни, бывает только один визит: железная крыша... грязное белье под одеждой... шрамовая ткань... комната с закрытыми ставнями... дурные запахи пищи... Я был не так уж и далек от того, чтобы стать хорош, как прежде... Обсидиань этого маклера, пока они на него не вышли... Краб неуклюже отступает... Вам достается нечто вроде пустыря... унылого маленького клочка земли, верно?.. мальчишеское лицо, зеленый шарф... в фильмах уже три... Пойми, пока я жив: трудиться я до сих пор не выношу. И такое получил задание... Конечн начинает узнавать уличных мальчишек из зеленого паспорта, торгующих последней еблей, пока опускаются его брюки».

Пыль городов и ветровые лица приблизились к концу света... крик сквозь погруженный в облака далекий рассвет, раскатами возвращающийся в мировую слизь.

Пыльная сперма в пестром платке несет с собой слепополуденный ветер... под черным стетсоном сбросил свое заношенное нижнее белье... Керосиновая лампа заливала светом пистолет, хрупкие ноги и смуглое тело... одежда жесткая, в раздевалке вытирают друг друга... строптивные, пока другие двое наблюдали... Станный чужак спустил свои брюки... Смуглые руки пустили в грудь струю...

– Найди скупщика времени... Приступай к выполнению задания... Образ в той же позиции... Поменяй место своей защиты...

«Иоганнесбургский бидонвиль он обслуживал... Клиенты надували нигтеров из-за глазной ванночки вырождков... Извергал на другой день Джонни... В вас текут хуесосы-пиздолизы... Эта особая порода плюется ватой и перемещается по радарному лучу службонепробиваемой мелкой капусты... Когда на ломках бил колотун, сказали вашему корреспонденту, что в героиновой затормозке нас охватывает сексуальная голодуха... Там находился параноидный экс-коммунист... Штопором своих известняков втер в меня Москву... Разбита слабость бильярдной... Раздраженно в Мексику... К тому времени у нас был вялый город вдалеке, двадцатые годы – слабые и прерывистые... Колея кончилась навеки в дюйме от двойного дна...

Они снесли передатчик... Крысы носились с почтой... Где-то к северу от Монтеррея мы встретились в одной из воюющих сторон... Взяли в плен позвоночную клинику и сварили из пленных студень... Нас обвиняют в назойливом приставании с помощью цепких сучьев... Первый отказался от вашей защиты, изо рта его текла кровь... Имел тряпку на теле... Дожидаясь демонстрации этого экспоната, спустил свои штаны, и я кончил спектроскопом... Вонь пошла, как от навозной кучи, брюки только рвутся на ветрах Стояка... Короче, мы попали в Священную Тополиную Рошу... Это единственный способ выжить... сперма под болотным кипарисом... сладкое уличное дерьмо, и теплый весенний ветер пощупал мой член... (мертвая птица в черной болотной воде)... Он валился наземь среди деревьев, раз пять кончал в свое тряпье.

Он сказал мне, что может устроить дальние места... в маленькой хижине на окраине... буравящий взгляд бледно-голубых елейных глаз... Писатель оглядел нас обоих, и улыбнулась область низкого давления, в руках у него была бумага на обмен... слабая и прерывистая перед тем, как начали возникать картины: «Господи боже мой, видали, как возле ирригационного канала мой мальчик подтягивает колени к подбородку и выбрасывает в воздух струи?»

Когда я выпустил заряд, я был парализован снадобьем... бьющаяся в судорогах крепкая самка вытекла из меня ниже пояса... На телеграфном столбе висит трепещущее существо особого пола... А потом я почувствовал это внизу, в балагане фрагментарного розового цвета...

Холодные тени гор на чердаке... я пошел вместе с мальчиком в его подвал... Хотите знать, что произошло, у мальчика сухостой мог держаться всю ночь?.. Человек возвращается к чему-то, глядя на синие горы... и так день за днем... мировые послания на стене сральника... член, пускающий струю известняка... летний рассветный запах мальчишеских яиц, и дело с концом... та местность, где видимо-невидимо жителей не будут трудиться сообща... мне это не по душе... Дышал с голодухи и решил поклянчить у ребят... Мы обнаружили Матушку Грин в ваших обломках, с ней были и другие из его опустевшего члена... жуткие метаморфозы, и циклотрон обсирает этих типов... (У вас веревки не найдется?)... Быть может, я прошу слишком многих земледельцев...

Сплошь и рядом мы держим эту старую корову в узде... Вводи любой образ в освежающий напиток, ладно?... Смочить, опять уснуть – и сухостой таким путем устранялся... Слушай, началось целое нашествие, и он усадил меня резвиться на рыбалке... молча и с дрожью принимая все это во внимание, мы двинулись накрепко... на противоположном склоне тоску мы разгоняли в меру сил... на чердаке амбара день и ночь пахли его тонкие хлопчатобумажные брюки... Он проснулся и поверил, не убедившись собственными глазами.

Джимми, как говорится, *кое-чем* занят... мальчишки все в угольной пыли... Быть может, я прошу слишком многих... (У вас веревки не найдется?)... Так вот, тот однокомнатный мальчишка – его член встал во влажном сне... с улыбкой смотрит на свою промежность... оголил и дотронулся... встает накрепко... Разворачивает меня, кончик его члена блестит... Тот запах пропыленной комнаты липнет к нему, как... Чувствительный и лишенный кожи, подошел к потайной виселице... внизу открытая дверь для истребления призрачных убийц... Запах спермы проникает в мозг... Джимми с жестокой идиотской улыбкой хватается за локти, переворачивая его на сладкие места... Нашел пижамный шнурок и связал мальчишку... Джимми лежит и посасывает его медок... Должно быть, отключился в пивной «Мандрагора»... Так называемые рок-н-ролльщики изоцряются в остроумии на массивном диване-кровати со старыми башмаками и пальто, которое кто-то вырулил... Мальчишка просыпается, парализованный в закладе... Подобрал имя, которым ты так и не научился пользоваться... Эти ходкие товары открывают прямой выход на поставщика, сплошь и рядом... цена попахивает высохшей спермой... Я был на крыше, так что сладкое юное дыхание принес скупщик времени...

Ворота в белом пламени... Преждевременный ответ мальчишке просыпается нагишом... На брюхе, правда?.. Ах, вот и железный холодок во рту... Приходи ко мне вечером в выкручивающих кости спазмах... Серебристый свет озаряет кое-что интересное... Мальчишка чертами лица помоложе, конечно... Подожди минутку... В данном случае бесполезно... Попробуй, если тебе нужно никчемное старое дерьмо, вопящее без тела... Прокрути два года, операция окончена... Мы?.. Ну, а конец – это кто?.. *Quien es?*¹⁸ Конец света, когда мальчишка в бабском наряде удалился в раздевалку... Мой паж знает столько изящных способов в постели... Сами понимаете... Глаза лезут из орбит... а что – сладости и сигареты... прямая кишка открыта, теплый мускулистый мальчишка становится неудержим и пронзает юношеский образ... горячая сперма вне себя в панаме... американские горы, когда их глаза лезут из орбит... Знаешь

¹⁸ Кто там? (исп.).

ответ?... две жопы и мандрагора... Они будут делать это каждый раз... Рок-н-роллышники изощряются в остроумии с неодолимой девицей с Минро, вытирают жопу в женском туалете... а мальчишка просыпается парализованный от мышьяка и кровоточащих десен... Помни, бывает только один визит особого сорта... Вампиры плотских соков – это гниlostный запах льда... Бесплезно, по буено – хоть сразу, хоть частями...

Мотив замены пищи, он склонен отбирать ключи... Установлено, что судьи любят, когда это заперто... Исполняющий обязанности врача в Данкмуре сыт по горло – пойми, пока я жив... Конец начинает узнавать, чей повешенный... Еще один, последний шанс?... Вернись к испанскому соблазну, угрюмая матрона бинтует писаку... Шок, когда ломается шея, уже далеко... В этом гостиничном номере ты уже, конечно, мертв... Мальчишка вытягивает ногу, его член толчками встал... Однако... э-э... ну да, видишь ли искры от горящих крылышек насекомых...

В лучах полуденного солнца, в расстегнутой рубашке, Кики выходит вперед... Выгнув тело, стоял нагишом, поплеывая над приливной равниной, босые нога в собачьих экскрементах... печальный слуга в сепиевых облаках Панама...

Датированные задним числом чеки возвращаются со всех сторон в зеленом местечке близ стадиона... Приходи и дрочи... паспортные торговые автоматы... Джимми шел по Норт-энд-роуд... (заторможенные лошади тащат телеги... мальчишка весь в угольной пыли)... область низкого давления и поднимается ветер... Приблизился к туалету «Конец света» и встретил широкоплечего мальчишку – черные глаза ярко блестят в свете уличных фонарей, толстый шелковый шарф заправлен в красно-белую полосатую футболку... В однокомнатной квартире мальчишка сбросил одежду и уселся нагишом на кровать, пуская сквозь лобковые волосы сигаретный дым... В дыму встал его член... Сощутив острые глазки, с улыбкой, которая, строго говоря, не была улыбкой, он смотрел, как Джонни складывает свою одежду... чувствительный и лишенный кожи, уже голый, член его пульсировал... Джимми взял свой ключ и положил его в рот, всосав вкус металла... Второй сидел и молча курил... Неторопливая капля смазки выдавилась из кончика его члена, поблескивая в свете уличных огней... На усиливающемся ветру хлопали ставни... По пропыленной комнате распространился гниlostный растительный запах, по розовым обоям неслись теньевые автомобили.

У К9 была назначена встреча в пивной «Шеффилд Арме», но на месте назначения затухала короткая волна... Кажется, налево? или направо?... Прямо? в сторону? Норт-энд-роуд?... Он шел мимо опустевших рыночных палаток, хлопали ставни... Ветер срывал покров с лиц, мимо которых он шел, чувствительный и лишенный кожи... Приблизился к «Концу света», ветер продувал опустевшие карманы времени... Никакой «Шеффилд Арме»... Назад в свою комнату, полную теней... Там он сидел на кровати с улыбкой, которая, строго говоря, не была улыбкой... Возле умывальника какой-то мальчишка пользовался его зубной щеткой.

– Кто эти люди?

Мальчишка у умывальника обернулся:

– Вы меня не помните? Ну да, мы же встречались таким образом, что... – Зубная щетка у него в руке была вся в крови.

Джимми уселся на кровать, испытывая зуд в прямой кишке... Второй взял свой шарф и пропустил его сквозь пальцы, глядя на Джимми с жестокой идиотской улыбкой... Руки его сомкнулись на локтях Джимми, переворачивая его на кровати на брюхо... Мальчишка нашел пижамный шнурок и связал Джимми руки за спиной. Джимми лежал, глотая воздух, и посащивал ключ, ощущая во рту вкус металла... Второй оседлал тело Джимми... Он поплевал на ладони и натер слюной свой член... Положив руки на ягодицы Джимми, он раздвинул их и уронил плевок на прямую кишку... Он подsunул шарф под бедра Джимми и натянул его тело на свой член... Джимми глотнул воздуха и покорно подвинулся... Мальчишка передвинул шарф по телу Джимми к самой шее...

Он, должно быть, отключился, хотя в пивной у него было не так уж много выпивки... два так называемых двойных бренди и две бутылочки ячменного... Он лежал на массивном диване-кровати в незнакомой комнате... и одновременно знакомой... в башмаках и пальто... такого пальто у него быть не могло... просторное зеленовато-голубое твидовое пальто... К9 мог позволить себе лишь тесные черные «честерфилды», как правило, покупал поношенными в ломбардах... У него было крайне мало денег на одежду, хотя он и любил носить «наряд банкира», как он выражался... черные костюмы... дорогие галстуки и льняные рубашки... А здесь он был в таком пальто, какого никогда бы не имел и не носил по доброй воле... чужая комната... однокомнатная квартира... дешевая мебель, чемоданы открыты... На покрывале К9 обнаружил два пыльных ключа... Уселся поудобнее и принялся подбирать себе имя... на кровати, строго говоря, не было улыбки...

«Ты так и не научился пользоваться своим Джимми... неторопливо с правом... будут и другие за его спиной с шарфом... Мы же встречались, сами понимаете, таким образом, что в запахе ячменного... Вы меня не помните?»

Вкус крови в его глотке, одновременно знакомый... и пальто... чужое... все в угольной пыли... Однокомнатный мальчишка, как всегда бывает, складывал свою одежду... лежал, глотая прохладу в сегодняшнем дне...

«Юркнул в то, что можно назвать стеганым одеялом, и воспользовался драгоценной возможностью растянуться с оптовой стороны... Научился ценить эти ходкие товары сплошь и рядом... Да-да, провизию... Она принялась визжать, требуя приемлемой цены... Я был на крыше, так что мне пришлось ее выпороть... Найди скупщика времени, прежде чем начать сеансы... Выбора нет, если они, к примеру, приступят к выполнению задания... Придется отпускать по дешевке и начинать дальнейший визг на ту же тему... парочка надежных воришек... Работа стабильно встречала меня у ворот... преждевременный ответ для использования против любого, кто вздумает вмешиваться... Мне нет-нет да и приходилось для разнообразия пускать его в ход, но, как правило, что называется, враги наемника... Это было сделано весьма современно и удобно... Подобрал порезвиться с кнутом да пряником... Прямо, в сторону? Кровать на брюхо, правда?... Ах, вот ты где – за его спиной с шарфом... Руки из 1910 года... Выбора нет, если он разделся... Придется отпускать по дешевке и начинать нагишом».

Затягивал шарф на шее Джимми все туже и туже... Джимми глотал воздух, кашляя и харкая, лицо распухло от крови... Он испытывал зуд в позвоночнике... Внезапно все его тело покрылось грубой черной шерстью. Сквозь десны с невыносимой зубной болью прорезались клыки... В глазах его вспыхнул серебристый свет.

Он решил взять пальто с собой... Мог миновать кого-нибудь на лестнице, и они приняли бы его за жильца, ведь мальчишка телосложением и чертами лица походил на него – помоложе, конечно, но люди не наблюдательны сплошь и рядом... Осторожно...

«Осторожно... следи за выходами... Подожди минутку... В данном случае бесполезно... Следи за волнами и долговременными расчетами... Нет смысла выходить... Попробуй, если тебе нужно... Все умирает в конвульсиях, вопя без тела... Знаешь ответ?... Мышьяк два года: операция окончена... Мы – это мышьяк и кровоточащие десны... Кто? Quien es?... Конец света, яркий и отчетливый... Вот и вызвал в воображении широкоплечего, и черные глаза ярко блеснули... теневые автомобили в пропыленной комнате... Мой паж знает однокомнатную квартиру из чемодана здесь, на кровати, где вы меня познаете с жестокой идиотской улыбкой, пока глаза Джимми лезут из орбит... Шелковый шарф двинулся вверх, вытирая... Все его тело покрылось лобковыми волосами, раздиравшими плоть, как проволока... Сощурил глазки от запаха, который я неизменно ощущаю... Горячая слюна обожгла его прямую кишку открыто... Возбужденные мускульные сокращения... Кашляющий и харкающий юношеский образ на последнем издыхании скрылся в легкой дымке... сквозь десны кулаком ему в лицо... вкус крови... Жизнь из его ослабевшего тела хлынула в чужую плоть... идентичные эрекции

в свете керосиновой лампы... задница и гениталии покрылись электрическими волосами... в глотке вкус крови... идиотским мамбо хлынула горячая сперма... один мальчишка нагишом в Панаме... Кто?.. *Quien es?*.. Смерд навозной кучи там, откуда вы меня знаете... запах, который я неизменно ощущаю, когда его глаза лезут из орбит...»

«Знаешь ответ? Мышьяк два года: доходяга-нембутальщик в Панаме 1910 года. Они будут делать это каждый раз... Вампиры бесполезны – все во власти неодолимой девицы с Минро...»

«А ты уверен, что они не ради безопасности?»

«Абсолютно уверен... Всего лишь для того, чтобы позаимствовать твое тело с особой целью («Отлично... Следуйте в лед.»)... В крови мышьяк и кровоточащие десны... Они при- страстились к ряду любых визитов особого сорта... Мальчишка-посыльный с таким вкусом разделся... признаков достаточно – уже голый, член его залечил шрамовую ткань... Вампиры плотских соков бесполезны... все – нечистоты... сладкий гнилостный запах льда... от них никакого проку... Все говорит о том, что бесполезно, по *bueno* – хоть сразу, хоть частями».

«Мотивы замены пищи не совсем бескорыстны... Установлено, что судьи любят кресло... Долгие годы он пользовался «Паркером»... Сыт по горло нынешней пищей в Акте Человеко- убийства, и его место заняли другие... Короче, подумай заранее о том, что после этого в любом случае грянет отмена смертной казни, все высокопоставленные мошенники предпочтут заклю- чить сделку в обмен на согласие прекратить казни через повешение... Благородно? Ничего... я был не так уж и далек от позиции...»

«Придется поторапливаться... Убери этого маклера, пока они на него не вышли... Так или иначе, окажем ему услугу...»

Маклера он нашел в кафе неподалеку от Сокко... неуклюжий, с грузным мускулистым телом и стриженными седыми волосами... К9 отошел в тень и растянул свой экран разума... Маклер встал и зашагал по переулку... К9 вышел из темноты в своем новом пальто...

– А, это ты... Что-нибудь стряслось?..

К9 почтительно снял шляпу и прикрыл ею пистолет... В шляпу он запихнул толстый шелковый шарф Зеленого Мальчика... глушитель грубоватый, но в переулке никого не было... Находиться в пределах слышимости, когда Маклер обстрипывал с кем-нибудь свои делишки, было небезопасно... К9 стоял со шляпой в дюйме от живота Маклера... Он взглянул в холод- ные серые глаза...

– Да нет, все в полном порядке, – сказал он.

И всадил три «специальных полицейских» в массивное брюхо, тяжелое, как японский борец... Маклер раскрыл рот, пытаясь глотнуть воздуха, но дыхание сперло... К9 выпустил в него еще три и отошел в сторону... Маклер согнулся, сполз по стене и рухнул навзничь, глаза его тускнели... Ли бросил горящую шляпу и шарф на кучу испражнений и зашагал прочь из переулка, от его дешевого европейского костюма поднимался пороховой дым... Он пошел по направлению к плоти Испании и Пиккадилли...

«Поверни стрелку до упора... сыт по горло – пойми, пока я жив... работу надо выполнить и способ получил задание... конец начинает узнавать, чьи рапорты уже кончились... «Еще одна замена, – сказал он, – трогательная церемония»... Еще есть ты... Вернись к испанскому соблазну – это занавески под промокашкой писаки...»

Кто? *Quien es?*.. Вопрос уже далеко... В этом гостиничном номере ты описываешь запахи Испании... Мальчишка вытягивает ногу... Его член толчками встал в свете керосиновой лампы... потрескивание горящих крылышек насекомых... услышал море... жестяная лачуга над приливными равнинами... эрогенные зоны и перечные запахи...

В лучах полуденного солнца, в расстегнутой рубаше, когда упали его брюки... лежа на брюхе, вынул кусок мыла и намылил... Он глотнул воздуха и покорно подвинулся... запахи его ног в теплый летний день...

Кто? Quien es?.. впереди может быть лишь конец света, яркий и отчетливый.

Кики выходит вперед на пожелтевшем фото... В сползших брюках, выгнув тело, стоял нагишом, поплеывая на ладони... С ухмылкой опрокинул стаканчик... Над шелестящей приливной равниной юноши в акте, брюки спущены, босые ноги в собачьих экскрементах... Уличные запахи всего мира вернули красно-белую футболку смуглому Джонни... этот затхлый расцветный запах сна нагишом под потолочным вентилятором... Повалил его на брюхо, пиная ногами с неторопливым наслаждением...

«Спрятанные мертвецы тараторят в турникете... Некогда это был я, а теперь – звуковая дорожка задом наперед... ископаемый оргазм на коленях перед бессмысленным сотрудничеством». ветер по всему туалету... «j'aime ces types vicieux qu'ici montrent la bite»...¹⁹ зеленое местечко возле водопроводной трубы... сухие листья, застрявшие в лобковых волосах... «Приходи и дрожи... 1929»... Проснулся в затхлом запахе торговых автоматов... Мальчишка в серых фланелевых брюках стоял там с ухмылкой, зажав в руке несколько дюймов... теньевые автомобили и ветер в чужой плоти... приблизился к Концу Света, укороченный мальчишка на экране возвращает нам губы, вздохи и забытые руки всего мира...

На волноломе, под кружащим альбатросом, встретил мальчишку в красно-белой футболке... «Смугленького, ми-истер?..» теплый дождик на железной крыше... Мальчишка сбросил свое заношенное нижнее белье... В свете керосиновой лампы толчками возникли идентичные эрекции... Мальчишка подпрыгнул на кровати, похлопал себя по бедрам: «Я дрочить Джонни в жопу? Asi como perros?..»²⁰ Прямые кишки сливаются под идиотское мамбо... Один мальчишка нагишом на панамском рассветном ветру...

В гиацинтах улыбаются зеленые мальчишки... гибнущая музыка, стелющиеся растения и птичье пение в призрачных дальних странах... посвященный пробудится в том затхлом запахе летнего рассвета, все чемоданы открыты на медной кровати в Мексике... слизь всего мира... под душем мексиканец лет двадцати, прямые кишки оголены, запах карболового мыла и барачных уборных...

Приносит мой летний расцветный ветер в чужой плоти, нанизанной на глубокие шрамы молодой панамской ночи... в туалете развевается расстегнутая рубаша... Член толчками поднялся и встал... вода с его лица... изящная тугая задница мальчишки...

«Вдохни, Джонни... Была не была...»

Они были готовы обирать простаков еще в незапамятные времена, там, в подпольной винной лавке... так и сгнули в клочках услады и горящих свитков... в открытое окно, прихватив с собой болотные запахи и старые газеты... прямые кишки оголены в запахах сырого мяса... генитальные запахи двух тел сливаются в совместной еде и отрывке благотворительной стряпни... призрачный запах пустых презервативов вдоль грошовых пассажей и зеркал... Забытый теневой актер идет рядом с тобой... горный ветер Сатурна в утреннем небе... Утомлен смертельной травмой – тогда прощай... оргазманы, заброшенные на чердак, точно брюзжащая мешковина...

---

¹⁹ Мне нравятся развратники, показывающие свой член (*фр.*)

²⁰ По-собачьи? (*исп.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.